

творчества современной французской писательницы Анны Гавальды в психоаналитическом аспекте. Представлены основные характеристики художественного нарратива писательницы на примере романа «Утешительная партия игры в петанк». Отображена непосредственная связь художественного нарратива с психоанализом. Проанализировано использование психоанализа как литературоведческого метода, который рассматривается в русле новейшей методологии теоретической науки. Обозначены характерные особенности и функциональные возможности психоаналитического метода. Осуществлен анализ произведения в контексте творчества Анны Гавальды. Исследована жанровая специфика произведения, система персонажей, способы применения психоанализа в романе «Утешительная партия игры в петанк». На этом основании доказывается целесообразность психоаналитического метода в исследованиях произведений современной литературы.

Ключевые слова: психоаналитический нарратив, художественный нарратив, метод психоанализа, писатель-психоаналитик, психотерапевтический эффект.

Natyazhko Svitlana. Psychoanalytic Method in the Works of Anne Gavalda (on the Example of the Novel “Consolation”). The article deals with the importance and necessity of research of the work of contemporary French writer Anne Gavalda in the psychoanalytic sense. The basic characteristics of the literary narrative of the writer on the example of the novel “Consolation” are examined. A direct connection of between the literary narrative and the psychoanalysis is shown. The use of the psychoanalysis as a literary method that is examined in the course of the modern methodology of theoretic science is analyzed. Peculiar features and functional possibilities of the psychoanalytic method are circled here. The analysis of the novel in the context of the Anne Gavalda’s works is envisaged. A genre specific of the novel, a system of characters, application ways of the psychoanalysis in the novel “Consolation” are studied. On this basis the expediency of using of the psychoanalytic method in researches of the works of modern literature is proved.

Key words: psychoanalytic narrative, literary narrative, method of psychoanalysis, writer-psychoanalyst, psychotherapeutic effect.

Стаття надійшла до редколегії
25.11.2014 р.

УДК 821.161.1-31.09:7.036.1

Евгений Никольский

Духовный реализм как творческий метод мистической диалогии Всеволода Соловьева

В статье рассмотрена специфика мистической диалогии (романы «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер») Всеволода Соловьева (1849–1903) с точки зрения художественного метода. Автор приходит к выводу, что данные произведения следует отнести к явлению духовного реализма, потому что сотериологическая проблематика романов, изображение духовного восхождения главного героя от мрака гордыни к свету христианской любви показывают, что при создании произведений Всеволод Соловьев опирался на традиции святоотеческого богословия. Для выяснения авторской позиции писателя произведено сопоставление концептуально важных фрагментов текста и творений святого Феофана Затворника.

Ключевые слова: духовный реализм, полемика с оккультизмом, духовное становление личности, историческая проза, религиозно-философская позиция писателя.

Постановка научной проблемы и её значение. Как известно, конкретные типы реализма тесно связаны с миропознавательной платформой художника, с его пониманием истины. Исторически сложившейся в XIX в. реализм, получивший название «критического» или «классического», был основан на эвдемоническом миропонимании и исследовал социальные и (или) психологические проблемы. Ему присущ природный или исторический, социальный или психологический (душевный) детерминизм. Этот реализм анализирует зависимость человека именно от этих граней бытия. Заметим, что с духовной точки зрения все они лежат в плоскости тварного, земного мира, душевно-телесной сферы. Лучи из мира иного могут временами проникать в пространство художественного произведения критического реализма, но не оказывают решающего влияния на ход событий.

© Никольский Е., 2014

Однако, по наблюдениям Любомудрова, изложенным в книге «Духовный реализм в литературе русского зарубежья», существует такое художественное творчество, основой которого является не та или иная горизонтальная связь явлений, а *духовная вертикаль*. В этом случае имеется в виду даже не столько духовное мировоззрение (художника или героя), но духовное мировосприятие, миропонимание. Если предметом такого творчества являются духовные реалии, воссозданные в рамках христианской картины мира, если признается онтологический статус Бога, идея бессмертия души и как важнейшее деяние – ее спасение в вечности, то такое искусство относится к сотериологическому типу культуры [2, с. 37]. Здесь актуальны иные факторы бытия – духовное развитие героя.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования.

Яркое явление духовного реализма мы находим в позднем творчестве Всеволода Сергеевича Соловьева, отобразившего в своей мистической диалогии (романы 1887–1889 гг. «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер») путь главного героя, князя Юрия Захарьева-Овинова, от тенет масонско-розенкрейцерской мистики к свету православной веры и осуществлению в своей жизни деятельной любви к ближнему.

Для точного рассмотрения проблематики этих произведений нам надлежит обратиться к апостольскому и святоотеческому наследию. В «Послании к Ефесянам» святой Павел дал совет своим последователям относительно негативных духовно-нравственных явлений. В частности, апостол говорил о том, что есть такие темы, которые у христиан «не должны именоваться» (Еф. 5; 3). Далее в том же фрагменте Писания содержатся следующие строки: «... Никто да не обольщает все пустыми словами, ибо за сие приходит гнев Божий на сынов противления... Испытайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте... (ибо) все обнаруживаемое делается явным от света... (и) все делающееся явным от света» (Еф. 5; 6–13).

Согласно святоотеческому учению, избыточный интерес к области нехристианской мистики сам по себе способен принести вред человеческой душе, а изучение таких доктрин может привести к духовной и физической гибели. В романах Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер» это показано на примере судеб Абельзона и Калиостро, а также в повествовании о духовном кризисе, постигшем князя Захарьева-Овинова.

Мистическая диалогия была создана автором так, что при ее прочтении не возникало какого-либо соблазна для читателя повторить этот путь, ибо писатель кратко изложил суть и специфику сверхпознания розенкрейцеров, затем показал, какие могут быть последствия такой практики, если она не сопрягается с великим заветом Христовой любви.

Итак, основное содержание и назначение диалогии ориентировано на традиционные христианские ценности. Для реализации такой цели введен герой-резонер (о. Николай), выступающий в роли постоянного оппонента в идеологических дискуссиях и диалогах, используются также и другие средства: эпитеты, раскрывающие содержание диалогии в свете антигностических фрагментов Нового Завета. Данный аспект художественного своеобразия анализируемых произведений заслуживает особого внимания. Вс. Соловьёв предварил диалогию эпиграфом из Нового Завета, стремясь тем самым представить свои произведения как своего рода художественный комментарий к вечным истинам Священного Писания. Поэтому нам представляется целесообразным проанализировать содержание данных библейских фрагментов. Первый эпиграф взят из Евангелия от Матфея (Мф. 2; 1–2).

«Иисусу же, родшуся в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода се воисви от Востока приидоша во Иерусалим и падше поклоньша Ему и отверзше сокровища своя; принесоша Ему дары: золото, ливон и смирну».

Фрагмент из рассказа о рождении Христа повествует о том, как Волхвы (в традиционной интерпретации – восточные цари, обладавшие природной мудростью), понимая ничтожность своих познаний и своего земного величия, смиренно припадают к младенцу Христу и приносят Ему дары. Второй эпиграф, взятый из Первого послания к Коринфянам св. апостола Павла (глава 13; стих 2), конкретизирует стихи первого эпиграфа в контексте проблематики диалогии. Отец Андрей Кураев в книге «Сатанизм для интеллигенции» писал, что новозаветные книги носили полемический характер, который после утверждения христианства в Римской империи значительно ослабел. Знаменитый гимн любви апостола Павла (1 Кор., 13; 1–8), из которого был взят эпиграф к диалогии Всеволода Соловьева «есть жесткое обличение гностиков, уповающих на достаточность оккультного знания

для спасения» [1, с. 443] и благочестивой жизни на земле. Таким образом, изначальная полемичность Павловых посланий способствовала тому, что в конце XIX в. (когда явное противостояние христианства и гностико-манихейских сект сошло на нет) Всеволод Соловьев для более четкого обозначения православных идей своих романов вновь обращается к наследию апостола. Поэтому на анализе этой цитаты из Нового Завета мы остановимся подробнее. Данный стих семантически делится на три части, которые отражают движение мысли Всеволода Соловьева. (При цитировании мы воспроизводим это деление для удобства дальнейшего анализа).

- 1) **И еще имам пророчество, и веси тайны вся и весь разум;**
- 2) **и еще имам всю веру, яко и горы (могу) преставляти;**
- 3) **любве же не имам, ничтоже есмь.**

Приводя данный фрагмент из Писания, писатель как бы обращается и к верующим и неверующим при условии, если те и другие способны воспринимать образную речь апостола. В первой части цитируемого нами второго фрагмента из Послания к Коринфянам выделяются три ключевые слова: «пророчества», «тайны вся» и «весь разум». В этих явлениях заключались все жизненные устремления Захарьина-Овинова. Стремление постигнуть их и овладеть ими стало для него смыслом жизни.

Слово «пророчество» не следует понимать как «предвидение будущего», так как в церковнославянском оно имело иное значение. Ибо пророк – не прорицатель, предсказатель, футуролог. В дальнейшем для анализа духовной эволюции главного героя мистической диалогии мы обратимся к наследию святого Феофана Затворника (1815–1894), обобщившего в своих богословских трудах тысячелетний нравственный и философско-догматический опыт апостолов и учителей православной церкви. Выдающийся русский богослов второй половине XIX в. в своем «Толковании на первое послание ап. Павла к Коринфянам» писал, что «Пророчество – это полное видение тайн Божьих в устремлении Царства благодати и с полным познанием устройства Мира и всех тварей, в начале их и в целях, к чему все ведется, – и такое пророчество все же в голове имеет свое седалище, и когда нужно, Бог преподавать его уму, не соображаясь с тем, что происходит в сердце» [3, с. 474]. Далее святитель, как бы проникая в сферу духовной жизни отдельного человека, писал: «Следовательно, и при этом внутреннее (свойство человека) может быть чуждо Бога и ближнего, чуждо истинной жизни» [3, с. 474].

Осмысление того духовного состояния, в котором находился Юрий Захарьев-Овинов, в соловьевской диалогии осуществляет священник. Романист так писал об этом: «Отец Николай понимал все... Он давно знал и чувствовал, что брат его был “волхвом” – человеком, владеющим тайными знаниями, достигнутыми без Божьей помощи. Он полагал, что в этом величайшее несчастье для брата и почитал этого дорогого, любимого брата большим грешником» [4, с. 202]. Суть же греховности князя Юрия, по мнению пастыря Христова, заключается в отрицании Бога любви. Но сам Захарьев-Овинов не понимает этого:

«– В чем же мой грех? – мрачно спросил великий розенкрейцер, весь содрогаясь и чувствуя в словах священника великую, мучительную правду.

– Твой грех?! Он в том, что ты, до самого последнего времени, жил никого не любя, служа злу, – так как там, где нет любви; а где зло – там преступление, там грех и ужас. Тем, что ты никого не любил, ты уже совершал ежедневно тяжкое преступление и губил свою душу» [4, с. 209].

Как видно из этого фрагмента, писатель, создавая образ своего главного героя, следовал христианской этической философии. Нам не известно, были ли знакомы труды преосвященного Феофана Всеволоду Соловьеву, но общность их позиций может быть объяснена тем, что и святитель, и писатель в своей творческой деятельности опирались на один и тот же новозаветный источник.

Второй семантический блок, (посвященный осмыслению веры) не нашел отражения в мистической диалогии из-за того, что по замыслу автора обретение веры у главного героя происходит одновременно с обретением любви. Эта фраза была приведена в эпиграфе, по-видимому, потому, что писатель не пожелал разрывать целостность апостольского фрагмента. (По традиции Библия цитируется цельными отрывками, получившие наименование стихов). Однако в одном из диалогов Вс. Соловьев приводит образы, заимствованные из данного новозаветного фрагмента. Обличая князя Юрия, священник Николай произносит: «... Ты можешь преставлять горы, но к чему тебе это, когда ты одинок и мир представляется тебе пустыней?.. Для кого и чего ты будешь преставлять горы?.. Для собственной забавы» [5, с. 383]. Третья часть данного стиха посвящена проблеме любви как основ-

ной составляющей человеческого бытия. Святитель в толковании на рассматриваемое послание апостола Павла приводит свое определение этого явления, которое не стало жизненным кредо князя Юрия.

Святой Феофан, будучи опытным пастырем и просвещенным богословом, любовь рассматривал не только как чувство мужчины и женщины, а как силу, определяющую движение мира. По мысли Вышинского затворника, любовь – это «...внутренняя сила жизни. Погружаясь в Боге и Богом исполняясь, она и Божье, и свое изживает на братий, в которых *она живет не мысля, а сердцем* (выделено мною. – Е. Н.); всех, их касающееся, почитает касающимся себя. Это – самораспятая жизнь, неистощимый источник всякого добра» [3, с. 469]. В рассматриваемых нами произведениях эти же идеи высказывает отец Николай в диалоге с невестой князя Юрия: «Его погибель в том, что он не знает и не ощущает Бога Любви, что он никого и ничего не любит... Он ищет в разуме то, что может найти только в сердце... И сердце его закрыто. Он пошел за мудростью разума и, когда нашел ее, возомнил себя богом, и уподобился падшему ангелу. Но он рожден человеком, способным познать мудрость сердца и вступить в общение с истинным Богом Любви, а посему мудрость разума пригнетает его» [4, с. 63].

Таким образом, создается параллель с другой мыслью, выраженной апостолом Павлом в своем послании: «Разум кичит, любви создает» (Рим 8; 1). Святитель Феофан объясняет смысл этого новозаветного фрагмента следующим образом: «Пусть, говорит, имеете разум – знание, но одно знание ненадежный руководитель жизни. Оно возбуждает кичение, а от кичения – разделение. Только любовь создает, устраивает... Потому если при знании нет любви, то оно бывает более вредно, чем полезно. Св. Иоанн Златоуст объясняет это так: «Если знание не соединено с любовью, но оно производит гордость. Знание имеет нужду в любви» [3, с. 295].

Эта святоотеческая идея нашла свое повторение в рассматриваемых нами произведениях. Во второй части диалогии о. Николай в следующих словах излагает суть духовных и психологических проблем князя Юрия Захарьева-Овинова: «...Он еще не понимал своего несчастья, он весь был гордость, выше своего знания и мудрости ничего не видел, и разум довел его до иступления» [4, с. 474]. В данном случае мы вновь наблюдаем ту форму духовной жизни, которая не была одобрена этикой Нового Завета. Излагая мысли апостола Павла, святитель Феофан писал: «...посему сказал: “разум кичит” он присовокупил: “а любви созидает”. Не сказал – смиряет, а выразил нечто важнейшее и полезнейшее. Как знание не только надмевает, но и производит разделение, так и любви свойственно противоположные действия» [3, с. 295]. Феофан Затворник писал, что «... знание имеет нужду в любви. Кто любит, тот, как исполняющий главнейшую из всех заповедей, хотя бы и имел какие-либо недостатки, при помощи любви скоро может приобрести знание; а кто имеет знание, не имея любви, тот не только ничего не приобретает, но часто теряет и то, что имеет» [3, с. 296].

В финале романа князь Юрий Захарьев-Овинов меняет свое отношение к величественной науке розенкрейцеров: «Не почитая эти знания преступными, а только убедаясь в их недостаточности и в том, что они не составляют высшего существенного блага жизни, он продолжал пользоваться ими» [4, с. 190]. Итогом психического и духовного развития князя Юрия Захарьева-Овинова стало его полное переосмысление жизненных норм и ценностей в соответствии с двумя главными заповедями Евангелия о любви к Богу и ближнему. Он не отказался от ценностей знания и не впал в другую крайность: полное отрицания смысла в науки и познания, что в христианстве именуется ересью гносеомахии, состоящей в войне против познавательных усилий человека.

Излагая свои мысли как бы от имени апостола, святитель Феофан отмечал, что «если же будете иметь любовь, то и знание будет благонадежно; ибо кто знает более ближнего и любит, тот не станет превозноситься, но и ему сообщит то же» [3, с. 296]. Трактую фрагмент из Первого послания к Коринфянам, святитель говорит как бы от имени самого апостола: «Я не запрещаю иметь совершенное знание, но заповедую иметь его вместе с любовью; иначе оно не только бесполезно, но и вредно. Что Вы гордитесь знанием? Если не будете иметь любви, то оно принесет вам вред, что хуже гордости?» [3, с. 299]. В диалогии мы наблюдаем подобные же явления.

Князь Юрий под благотворном влиянием о. Николая духовно прозревает, ему открываются новые сферы бытия, о которых он ранее и не подозревал. Его жизнь обретает смысл в служении ближним. Ибо раньше он, по словам священника, «не осушил ни одной слезы, не сделал счастливым ни одного Божьего создания» [5, с. 382].

Итак, мы наблюдаем, что эволюция главного героя носит позитивный характер. Возрастая духовно, князь Юрий не становится ригористом. Его взгляды на мироздание меняются за счет включения дополнительных аспектов, не ведомых ему ранее. Его развитие идет по тому пути, который был описан в Послании к Коринфянам. Трагедия главного героя диалогии заключается в том, что он направил все силы своей души на разрешение только сугубо интеллектуальных и сциентических проблем, полностью игнорируя как духовную жизнь, так и обычные человеческие радости. От этого его восприятие мира становится ущербным, что причиняет ему боль, источник которой ему не сразу становится известным.

Наиболее ярко произошедшее изменение в мировоззрении и психологическом складе князя Юрия отразилось, на наш взгляд, в эпизоде со старым больным отцом. Если раньше для достижения лечебных целей он применял грубое насилие над душой и телом своего родителя (хотя в этом принципиальной необходимости не было; Юрий, поступая так, стремился, во-первых, получить удовольствие от своего могущества, а во-вторых, помочь отцу), то теперь сами формы лечения становятся иными. «Захарьев-Овинов осторожно приподнял отца с кресла, подвел его к кровати и уложил. Он положил ему руку на голову – и в то же мгновение старик спокойно заснул. Тогда великий розенкрейцер бережно, будто опытная сиделка, поправил подушку, тихонько прикрыл ноги спящего теплым одеялом и вышел из комнаты. Воспоминание о том, как он производил на этом самом месте свой ужасный опыт над умирающим (отцом. – *Е. Н.*), невыносимо страдавшим человеком, не пришло ему в голову. Но если бы оно пришло – он показался бы себе отвратительным» [4, с. 197].

Священнику Николаю удается при помощи молитв исцелить старого князя: «Старый слуга князя, бывший свидетелем необычайного исцеления своего господина и глубоко пораженный всем виденным... рассказал обо всем другим княжеским слугам. Не прошло и суток, как уже далеко разнеслась весть о святом священнике, приехавшем откуда-то и *исцелившем уже «мертвого князя» Захарьева-Овинова* (выделено мною. – *Е. Н.*) [5, с. 373].

Это событие стало той отправной точкой, с которой началось переосмысление князем Юрием тайных знаний на мир и человека. Великий Розенкрейцер подошел к той сфере бытия, которая ранее не была ему знакома: «...Захарьев-Овинов... понимал, видел ясно, что человек этот разгадал великую тайну Бытия, не дававшуюся ему... не разгаданную даже его мудрым учителем-старцем» [5, с. 372]. Пытливый ум «великого посвященного» не может разрешить внезапно вставшую перед ним загадку, сущность которой заключается в полной противоположности мировоззрений искателя истины и его оппонента, православного священника.

Иной немаловажной ущербной чертой личности князя Юрия стало его презрительное равнодушие к высшему благу – Богу, источнику и смыслу человеческого бытия. Желая понять то, что ему было неизвестно, он спрашивает о. Николая: «Скажи мне, как ты жил, как достиг того, чем теперь владеешь, скажи мне, не таясь, брат мой!» [5, с. 375].

Здесь примечательная сама реакция пастыря Христова на этот вопрос «просвещенного» князя: «Опять священник как бы с некоторым недоумением взглянул на него. – У меня нет *ни от кого тайностей*, – воскликнул он, – а уж пред тобою, князь, перед присным моим и кровным моим, зачем же таится? [5, с. 375] (выделено мною. – *Е. Н.*). В словах отца Николая автор раскрывает сущность христианской религии, для которой всегда была чужда какая-либо эзотерика. Все, чем обладает вера Христова, раскрыта всем и каждому, ибо любящему Богу нечего скрывать от чад своих и учеников.

Вводя в роман этот диалог, писатель как бы переставляет акценты, стремясь перевести мысли читателя от «дольного» (земного) к «горному» (миру духовному), т. е. к размышлениям о Боге. О. Николай еще в юности пережил обращение ко Христу, которому он посвятил себя всего; *он допустил Бога в свое сердце и позволил Ему действовать в себе и через себя*. Иными словами, он твердо и решительно встал на путь святости. Движимый глубоким чувством любви к Своему Творцу, священник получил от Него силу творить чудеса, т. е. выходить за рамки «должного и обыденного». Но при этом пастырь Христов понимает, что чудеса не являются самоцелью, как полагал князь Юрий, а главное заключается в ином – в стяжение всей своей жизнью богоподобия.

В словах отца Николая писатель выразил свой взгляд на эту проблему: «Когда человек живет вдали от Бога, не освещаясь Его светом и не согреваясь Его теплом, то он окружен ночью темнотой, и в этой темноте может, конечно, принять зло за добро, а добро за зло. Но если он душою прикрепит к Богу, то, согретый и освобожденный Богом, он не может ошибаться. Как бы ни был огра-

ничен его разум, он легко отличит добро от зла. Бог есть любовь, человек же создан Творцом по Его образу и подобию, и цель земной человеческой жизни заключается в том, чтобы усовершенствовать в себе образ Божий и подобие, т. е. наполниться любовью» (выделено мною. – Е. Н.) [5, с. 376]. Священник высказывает противоположный воззрениям Захарьева-Овинова принцип о диалогичности мироздания, т. е. синергии, совместном творчестве Бога и человека, в следующих словах: «Если Господь мне помогает и проявляет через меня недостойного свою силу и благодать, то это потому, что с отроческих лет моих я возлюбил Его всею моей душой, возлюбил добро и возненавидел зло» [5, с. 376]. Возможным и единственным исходом оказалось переосмысление ценностей и взглядов и обращение... ко Христу.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. В своих романах «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер» Вс. Соловьев показал необходимость, начало и конечный результат духовной эволюции главного героя. Однако сам процесс его озарения и преображения не был подробно описан романистом. В ходе духовной эволюции знание для Захарьева-Овинова стало не самоцелью, а средством для служения Богу и ближнему во имя великого завета любви. Обобщая все вышеизложенное, следует особо отметить, что при создании образа главного героя мистической дилогии Вс. Соловьев следовал многовековым традициям святоотеческого богословия, что подтверждается нашим сопоставлением описаний идеологических споров и творений святителя Феофана Затворника. Устремленность писателя к духовной (вертикальной) перспективе показывает, что его во время создания романов интересовали не социально-психологические проблемы, а духовные реалии, воссозданные им в рамках христианской картины мира. Это позволяет нам отнести дилогию к явлению духовного реализма, суть которого была раскрыта в исследованиях А. М. Любомудрова. В дальнейшем возможно за счет анализа произведений различных писателей выстроить типологии духовного реализма в русской литературе XIX–XXI ст.

Источники и литература

1. Кураев Андрей, диакон. О нашем поражении / диакон Андрей Кураев. – 3 изд., доп. – СПб. : Светлояр, 1999. – 544 с.
2. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев. И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. – СПб. : Пушкинский дом, 2003. – 272 с.
3. Святой Феофан-Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана-Затворника / Толкование посланий апостола Павла: первое послание к коринфянам / Святитель Феофан-Затворник. – [Репринт. : 2-изд. – М., 1893]. – М. : Правило веры, 1998. – 455 с.
4. Соловьёв Вс. Великий Розенкрейцер / Вс. С. Соловьёв. – М. : [б. и.], 1994. – 304 с.
5. Соловьёв Вс. Волхвы / Вс. С. Соловьёв. – М. : Эврика, 1991. – 448 с.

Нікольський Євген. Духовний реалізм як творчий метод містичної діалогії Всеволода Соловйова. У статті розглянуто специфіку містичної діалогії (романи «Волхви» та «Великий Розенкрейцер») Всеволода Соловйова (1849–1903) з погляду художнього методу. Зроблено висновок, що проаналізовані твори слід віднести до явища духовного реалізму, оскільки сотеріологічна проблематика романів, зображення духовного сходження головного героя від мороку гордині до світла християнської любові показують, що при написанні творів Всеволод Соловйов спирався на традиції святоотцівського богослов'я. Для з'ясування авторської позиції письменника проведено зіставлення концептуально важливих фрагментів тексту і творінь святого Феофана Затворника.

Ключові слова: духовний реалізм, полеміка з окультизмом, духовне становлення особистості, історична проза, релігійно-філософська позиція письменника.

Nikolskiy Eugene. *Spiritual Realism as a Creative Method of Mystical Novels Wsevolod Solovyov.* The article is devoted to the specifics of the mystical novels (novels “Wizards” and “The Great Rosecroix”) Wsevolod Solovyov (1849–1903) from the point of view of the artistic method. The author comes to the conclusion that the work should be attributed to the phenomenon of spiritual realism, because the religious problems of the novels, the image of the spiritual ascent of the main hero of the darkness of pride to the light of christian love, show that for the creation of works of Wsevolod Soloviev relied on the traditions of patristic theology. For finding-out of the author’s position of the writer was a comparison of a conceptually important pieces of text, and the works of st. Theophanes The Recluse.

Key words: spiritual realism, polemics with the occult, spiritual development of personality, historical prose, religious-philosophical position of the writer

Статья поступила в редколлегию
07.11.2014 г.